

УДК 347.63

DOI: 10.34670/AR.2026.75.94.045

Сравнительно-правовой анализ осуществления семейных прав в странах БРИКС: универсальные тенденции и национальные модели

Загорских Светлана Анатольевна

Старший преподаватель,
кафедра гражданского права,
Уральский государственный
юридический университет им. В.Ф. Яковлева,
620137, Российская Федерация, Екатеринбург, ул. Комсомольская, 21;
e-mail: pelageya82@mail.ru

Аннотация

В статье на основе сравнительно-правового анализа исследуются тенденции развития механизмов осуществления семейных прав в странах БРИКС. Автор обосновывает универсальный характер «функционального ограничителя» — приоритета интересов ребенка как имманентного условия существования субъективного семейного права. Анализируются бразильский Закон № 15.240/2025 об эмоциональном оставлении, индийские Руководящие указания по доступу к ребенку и опеке Калькуттского высокого суда (2025), китайское Разъяснение Верховного суда КНР по применению Книги пятой Гражданского кодекса (часть вторая) (2025) и южноафриканская концепция «родительских обязанностей и прав». Выявлены четыре общие тенденции: конвенционализация семейного права, переход от модели «прав родителей» к модели «интересов ребенка», институционализация совместного родительства и усиление гарантий реального осуществления. Сформулированы рекомендации по совершенствованию российского законодательства и правоприменительной практики.

Для цитирования в научных исследованиях

Загорских С.А. Сравнительно-правовой анализ осуществления семейных прав в странах БРИКС: универсальные тенденции и национальные модели // Вопросы российского и международного права. 2026. Том 16. № 5А. С. 381-390. DOI: 10.34670/AR.2026.75.94.045

Ключевые слова

Осуществление семейных прав, страны БРИКС, функциональный ограничитель, интересы ребенка, реальное осуществление, злоупотребление правом, эмоциональное оставление, совместное родительство.

Введение

Категория осуществления семейных прав в доктрине семейного права традиционно рассматривается сквозь призму реализации управомоченным лицом предоставленных законом правомочий в рамках регулятивных семейных правоотношений. Однако, как справедливо отмечается в литературе, современные представления об осуществлении прав неразрывно связаны с понятиями «пределы осуществления прав» и «злоупотребление правом» [Ульянова, 2024, с. 8-10]. В этой связи особую актуальность приобретает сравнительно-правовой анализ того, как различные правовые порядки решают проблему баланса между свободой усмотрения участников семейных отношений и необходимостью защиты прав и законных интересов всех членов семьи, прежде всего — несовершеннолетних детей.

Страны БРИКС, несмотря на различия в правовых системах, социально-экономических условиях и историческом развитии, сталкиваются со сходными вызовами: трансформация института семьи, рост числа разводов, необходимость защиты детей в конфликтных ситуациях, борьба с злоупотреблениями родительскими правами. Все они являются участниками Конвенции ООН о правах ребенка 1989 года, что обеспечивает единый нормативный фундамент — принцип наилучших интересов ребенка как основополагающий [Конвенция о правах ребенка, 1989].

Цель настоящей статьи — на основе сравнительно-правового анализа выявить общие тенденции и дифференцированные подходы к осуществлению семейных прав в странах БРИКС, а также сформулировать рекомендации по совершенствованию российского законодательства и правоприменительной практики. В качестве теоретической рамки используется концепция «функционального ограничителя» — подхода, согласно которому приоритет интересов ребенка является не внешним пределом осуществления семейного права, а имманентным условием его существования: право существует «постольку, поскольку не противоречит интересам ребенка» [Ульянова, 2024, с. 112-118].

Теоретические основы сравнительного анализа

В юридической науке под осуществлением субъективного права традиционно понимается реализация правовых возможностей, предоставленных законодательством, путем совершения управомоченным лицом определенных действий либо воздержания от них. Субъективное семейное право, как справедливо отмечается в литературе, включает три вида правомочий: правомочие требования, правомочие на собственные действия и правомочие на защиту [Нечаева, 2025, с. 56-58].

Специфика семейных прав как объекта осуществления обусловлена их лично-доверительной основой, длящимся характером, неразрывной связью с исполнением обязанностей и высокой степенью интеграции морально-этических норм [Ульянова, 2024, с. 34-37]. В отличие от гражданского права, где обладатель права, как правило, свободен в решении, осуществлять его или нет, в семейной сфере многие права сконструированы законодателем как права-обязанности. Право родителей на воспитание одновременно является их обязанностью (СК РФ, ст. 63); уклонение от осуществления такого права фактически равнозначно неисполнению обязанности [Нечаева, 2025, с. 148-152].

Наиболее последовательно данный подход выражен в южноафриканском Законе о детях 2005 года (*Children's Act 38 of 2005*), который вводит категорию «родительские обязанности и

права» (*parental responsibilities and rights*). В соответствии со статьей 18 Закона, родительские обязанности и права включают: заботу о ребенке (*care*), поддержание контакта (*contact*), осуществление функций опекуна (*guardian*) и обеспечение содержания (*maintenance*) [Children's Act 38 of 2005 (South Africa), 2005, § 18].

В этой связи принцип приоритета интересов ребенка приобретает значение не абстрактной декларации, а функционального ограничителя, напрямую влияющего на объем и способ реализации любого правомочия. Его действие двояко: с одной стороны, он обязывает суд исходить из конкретных обстоятельств, не довольствуясь формальным равенством прав родителей; с другой — придает самому осуществлению права условный характер: право существует постольку, поскольку не противоречит интересам ребенка [Беспалов, 2021, с. 45].

Осуществление семейных прав в странах БРИКС: национальные модели

Бразилия: эмоциональное оставление как гражданское правонарушение

Бразильское семейное право базируется на институте родительской власти (*poder familiar*), закрепленном в Бразильском гражданском кодексе (*Código Civil Brasileiro*). Родительская власть представляет собой единство прав и обязанностей родителей в отношении несовершеннолетних детей (до 18 лет), осуществляется совместно обоими родителями независимо от состояния их брачных отношений и является неотчуждаемой.

Значительный интерес представляет Закон № 15.240 от 28 октября 2025 года (*Lei nº 15.240/2025*), который вносит изменения в Закон о детях и подростках (*Estatuto da Criança e do Adolescente*). Данный закон устанавливает, что эмоциональное оставление (*abandono afetivo*) является гражданским правонарушением, влекущим обязанность возмещения морального вреда. Под эмоциональным оставлением понимается отсутствие со стороны родителей заботы, нежности, присутствия и эмоциональной поддержки в жизни ребенка. Как указано в тексте закона, недостаток заботы, любви и присутствия родителей в жизни детей может повлечь юридические последствия [*Lei nº 15.240 (Brazil)*, 2025].

Согласно закону, действие или бездействие, нарушающее фундаментальное право ребенка или подростка, включая случаи эмоционального оставления, признается противоправным деянием, подлежащим возмещению вреда, без ущерба для применения иных санкций [*Lei nº 15.240 (Brazil)*, 2025]. При этом эмоциональное оставление теперь имеет собственную противоправность, то есть больше не зависит от толкования общих положений Гражданского кодекса, что придает данной категории автономию в рамках Закона о детях и подростках.

В бразильской доктрине подчеркивается, что закон ратифицирует понимание того, что любить, направлять и сопровождать — не факультативные жесты, а неотъемлемые юридические обязанности родителей. Эмоциональное оставление может причинить серьезный вред эмоциональному развитию ребенка, и в случае доказанности пренебрежения, жестокого обращения или злоупотреблений правосудие может определить отстранение родителей или опекунов.

Значение бразильского опыта заключается в том, что он предлагает промежуточную меру между крайними вариантами — лишением родительских прав (ст. 69 СК РФ) и отсутствием каких-либо санкций. В тех случаях, когда поведение родителя не достигает степени общественной опасности, необходимой для лишения прав, но очевидно противоречит интересам ребенка (систематическое уклонение от общения, отсутствие эмоциональной

поддержки), возможна компенсация морального вреда. Это соответствует концепции функционального ограничителя: право существует «постольку, поскольку» не противоречит интересам ребенка; при нарушении этого условия наступают не только меры семейно-правовой ответственности, но и гражданско-правовые последствия.

Индия: структурирование судебного усмотрения через руководящие указания

Индия характеризуется плюралистической системой семейного права: отношения родителей и детей регулируются различными законами в зависимости от религиозной принадлежности — Законом о несовершеннолетних и опеке индусов 1956 года (*Hindu Minority and Guardianship Act*), Законом об опеке и попечительстве 1890 года (*Guardians and Wards Act*), а также мусульманским и христианским семейным правом. Центральным принципом, объединяющим эти разнородные источники, является принцип благополучия ребенка (*welfare principle*). Верховный суд Индии неоднократно подчеркивал, что благополучие ребенка имеет приоритет над любыми правами родителей [Supreme People's Court of China (Interpretation II), 2024].

26 сентября 2025 года Калькуттский высокий суд утвердил Обязательные руководящие указания по доступу к ребенку и опеке (*Mandatory Child Access and Custody Guidelines*) вместе с Родительским планом 2025 (*Parenting Plan 2025*) [Lei nº 15.240 (Brazil), 2025]. Данный документ представляет собой комплексную основу для временного и окончательного доступа, включая конкретные графики на основе возраста ребенка и удаленности проживания родителей.

Ключевые положения Руководства включают:

- Детализированные графики встреч — минимальный объем временного общения (не менее трех часов в неделю для детей старшего возраста), структурированный доступ в выходные и праздничные дни [Lei nº 15.240 (Brazil), 2025, Cl. 5-7].
- Совместное родительство (*shared parenting*) там, где это практически осуществимо [Lei nº 15.240 (Brazil), 2025, Cl. 9].
- Обязанность родителей при содействии консультантов разработать план временного доступа в течение одной недели после вызова в суд по опекуному делу [Lei nº 15.240 (Brazil), 2025, Cl. 4].
- Право ребенка на телефонные звонки обоим родителям не реже одного раза в день на время судебного разбирательства [Lei nº 15.240 (Brazil), 2025, Cl. 12].

Особого внимания заслуживает принцип, сформулированный судом: «Дети — не пешки» (*children are not pawns*). Руководство направлено на обеспечение того, чтобы дети разведенных или раздельно проживающих родителей не были лишены любви и привязанности обоих родителей при сохранении их благополучия [Lei nº 15.240 (Brazil), 2025, Preamble]. Карнатаский высокий суд уже рекомендовал следовать нормам Калькуттского суда по доступу к ребенку и опеке (Karnataka High Court. Order dated 15.12.2025).

Значение индийского опыта состоит в попытке перевести осуществление права на общение с судебным-принудительного уровня (четвертый уровень) на договорной уровень (второй уровень) и даже на уровень свободного усмотрения (первый уровень). Руководство структурирует переход между уровнями осуществления права, вводит психологическую составляющую как элемент механизма перехода и признает ребенка активным участником процесса осуществления права, а не пассивным объектом — что соответствует ст. 57 СК РФ, но идет дальше в процессуальной детализации.

Китай: запрет «войны за ребенка» и судебная конкретизация принципа

С вступлением в силу Гражданского кодекса КНР в 2021 году «принцип наиболее

благоприятных интересов несовершеннолетнего» стал господствующим стандартом при разрешении споров об опеке в бракоразводных процессах (ГК КНР, ст. 1084). Китайский законодатель тем самым осуществил переход от формального равенства прав родителей к приоритетной защите интересов ребенка — эволюция, аналогичная той, которую российская доктрина обосновывает для отечественного права.

1 февраля 2025 года вступило в силу Разъяснение Верховного суда КНР по применению Книги пятой Гражданского кодекса (часть вторая) (*Interpretation (II) of the Supreme People's Court on the Application of the Marriage and Family Section of the Civil Code*) (Supreme People's Court of China. Interpretation (II). 2025). Разъяснение было принято Судебным комитетом Верховного суда 25 ноября 2024 года.

Ключевые положения Разъяснения:

- Запрет учета факта похищения или сокрытия ребенка при определении опеки. Суды должны своевременно выдавать судебный приказ о защите личности ребенка, если имеются соответствующие условия. Данный приказ направлен на предотвращение ситуации, когда участники процесса борются за опеку или лишают других членов семьи права на общение с ребенком путем похищения или сокрытия несовершеннолетних [Supreme People's Court of China (Interpretation II), 2024, Art. 14].
- Учет виновного поведения родителя. При разводе, если одна из сторон совершила действия, грубо нарушающие супружескую верность (двоеженство, сожитительство с другим лицом), суд при определении опеки должен руководствоваться принципом наиболее благоприятных интересов несовершеннолетнего и преимущественно передавать ребенка другой стороне [Supreme People's Court of China (Interpretation II), 2024, Art. 14].
- Разъяснение фокусируется на разделе имущества супругов, борьбе за опеку над детьми, приобретении жилья за счет родителей и других сложных сценариях, предоставляя судьям более четкие ориентиры для разрешения споров [Supreme People's Court of China (Interpretation II), 2024, Art.1-20].

Значение китайского опыта заключается в том, что он прямо запрещает судам учитывать фактические обстоятельства, созданные неправомерными действиями родителя. Это означает, что искусственное создание фактических обстоятельств (похищение, сокрытие ребенка) не может служить основанием для изменения порядка осуществления права — суд должен восстанавливать тот уровень осуществления, который соответствует интересам ребенка, а не фактическому положению, созданному злоупотреблением.

ЮАР: концептуальное объединение прав и обязанностей

Южно-Африканская Республика обладает одним из наиболее прогрессивных в мире законодательств в сфере защиты прав детей. Центральным актом является Закон о детях 2005 года (*Children's Act 38 of 2005*) [Children's Act 38 of 2005 (South Africa), 2005], который ввел категорию «родительские обязанности и права» (*parental responsibilities and rights*). В соответствии со статьей 18 Закона, родительские обязанности и права включают заботу о ребенке, поддержание контакта, осуществление функций опекуна и обеспечение содержания [Children's Act 38 of 2005 (South Africa), 2005, § 18]. При этом лицо может иметь полные или частичные родительские обязанности и права, что позволяет судам индивидуализировать порядок их осуществления [Children's Act 38 of 2005 (South Africa), 2005, § 18].

Статья 21 Закона устанавливает условия, при которых отец, не состоящий в браке с матерью ребенка, автоматически приобретает полные родительские обязанности и права: если на момент

рождения ребенка он проживал с матерью в постоянных партнерских отношениях; или если он дал согласие на признание себя отцом, добросовестно участвовал в воспитании ребенка и внес вклад в его содержание [Children's Act 38 of 2005 (South Africa), 2005, § 21]. Данное положение показывает, что южноафриканский законодатель связывает возникновение родительских прав не только с формальным юридическим фактом (установление отцовства), но и с фактическим поведением — участием в воспитании и содержании ребенка.

В 2025 году был опубликован Детский поправочный законопроект (*Children's Amendment Bill, 2025*) [Children's Amendment Bill, 2025 (South Africa), 2025]. Ключевые положения законопроекта включают:

- Улучшение защиты прав детей на физическую и психологическую неприкосновенность.
- Регулирование положения отцов, не состоящих в браке с матерью.
- Назначение Регистратора Национального реестра защиты детей.
- Впервые в южноафриканском законодательстве — криминализация детских браков и калечащих операций на половых органах.
- Усиление защиты уязвимых детей, введение новых определений для детей-мигрантов и оставленных детей [Children's Amendment Bill, 2025 (South Africa), 2025, Cl. 1-50].

Особого внимания заслуживает то, что законопроект обеспечивает правовое признание детей, рожденных в постоянных партнерских отношениях, и способствует равным правам для неженатых отцов. Законопроект предлагает отразить это решение путем юридического признания детей, рожденных в различных семейных структурах, и обеспечения неженатым отцам равных родительских прав и обязанностей [Children's Amendment Bill, 2025 (South Africa), 2025, 15-20].

Значение южноафриканского опыта заключается в терминологическом и концептуальном закреплении неразрывности родительских прав и обязанностей. В отличие от российского СК РФ, южноафриканский законодатель прямо включил обязанности в само определение права — это не просто терминологическое различие, а концептуальное решение: родительская власть не может рассматриваться как совокупность правомочий, которыми можно распоряжаться по своему усмотрению; она изначально структурирована как функция, включающая как правомочия, так и обязанности.

Общие тенденции и дифференцированные подходы

На основе проведенного сравнительного анализа можно выделить четыре общие для всех стран БРИКС тенденции:

1. Конвенционализация семейного права. Все страны являются участниками Конвенции ООН о правах ребенка 1989 года, что обеспечивает единый нормативный фундамент — принцип наилучших интересов ребенка как основополагающий [4]. Более того, в рамках БРИКС предпринимаются шаги по институционализации сотрудничества в сфере защиты прав детей. Так, в сентябре 2025 года в Бразилиа прошел II Форум БРИКС «Традиционные ценности», где страны приняли решение о создании Международного союза отцов, в рамках которого будут сотрудничать международные организации, focused on защиту прав детей [Итоговый документ II Форума БРИКС, 2025, с. 15].

2. Переход от модели «прав родителей» к модели «интересов ребенка». Во всех анализируемых правовых порядках наблюдается эволюция от модели, где центр тяжести находился в плоскости прав родителей, к модели, где определяющим является благополучие ребенка.

3. Институционализация совместного родительства. Все страны признают необходимость сохранения контактов ребенка с обоими родителями после развода, что требует разработки гибких механизмов осуществления прав (соглашения, судебные графики, посредничество).

4. Усиление гарантий реального осуществления. Во всех странах наблюдается тенденция к усилению гарантийного критерия реального осуществления — созданию эффективных механизмов принудительного исполнения решений об опеке и алиментных обязательствах. Примеры: реестр злостных неплательщиков алиментов в России (Федеральный закон от 29 мая 2024 г. № 114-ФЗ), психологическое сопровождение в Индии, запрет учета факта похищения ребенка в Китае.

Проведенный сравнительно-правовой анализ осуществления семейных прав в странах БРИКС позволяет сформулировать следующие выводы.

1. Универсальность функционального ограничителя. Принцип приоритета интересов ребенка как имманентное условие существования субъективного семейного права находит подтверждение во всех анализируемых правовых системах. Обнаружение сходных институциональных решений в различных правовых системах свидетельствует о том, что данная конструкция отражает объективные закономерности развития семейно-правового регулирования в современных условиях [Беспалов, 2021; Ульянова, 2024].

2. Необходимость перехода к позитивной модели. Опыт всех анализируемых стран подтверждает необходимость перехода от негативной модели («не нарушай интересы ребенка») к позитивной («осуществляй право так, чтобы максимально обеспечить интересы ребенка»). Наиболее последовательно это выражено в южноафриканской концепции «родительских обязанностей и прав» и бразильском признании эмоциональной поддержки юридической обязанностью.

3. Конкретизация функционального ограничителя. Российское законодательство (СК РФ, ст. 65) содержит общую норму о том, что родительские права не могут осуществляться в противоречии с интересами детей.

На основе проведенного анализа представляется возможным сформулировать следующие рекомендации по совершенствованию российского законодательства и правоприменительной практики.

1. Разработка руководства по рассмотрению споров об осуществлении родительских прав. Целесообразно разработать и утвердить на уровне Пленума Верховного Суда РФ руководство, содержащее детализированные критерии применения принципа наилучших интересов ребенка (по аналогии с индийским Руководством Калькуттского суда — Calcutta High Court. Mandatory Child Access and Custody Guidelines. 2025), включая:

- порядок учета мнения ребенка в зависимости от возраста;
- критерии оценки психологической привязанности;
- порядок назначения и использования психологической экспертизы;
- последствия злоупотребления правом на общение.

2. Введение ответственности за эмоциональное оставление ребенка. В перспективе возможно введение в СК РФ ответственности за эмоциональное оставление ребенка (по аналогии с бразильским Законом № 15.240/2025 — Lei nº 15.240/2025) как дополнительного механизма защиты прав детей. Это позволило бы создать промежуточную меру между лишением родительских прав (СК РФ, ст. 69) и отсутствием каких-либо санкций в тех случаях, когда поведение родителя не достигает степени общественной опасности, необходимой для лишения прав, но очевидно противоречит интересам ребенка.

3. Запрет учета факта создания искусственных фактических обстоятельств. В судебной практике при определении места жительства ребенка не должен учитываться факт создания искусственных фактических обстоятельств (похищение, сокрытие ребенка). Данное положение, закрепленное в китайском Разъяснении 2025 года (Supreme People's Court of China. Interpretation (II). 2025. Art. 14), могло бы быть воспринято российскими судами в качестве ориентира толкования СК РФ, ст. 65.

4. Терминологическое уточнение в СК РФ. Представляется возможным рассмотреть вопрос о замене традиционной терминологии «родительские права» на «родительские права и обязанности» или «родительские обязанности и права» по аналогии с южноафриканским подходом (Children's Act 38 of 2005, § 18). Это позволило бы концептуально закрепить неразрывность прав и обязанностей, которая уже *de facto* признается российским законодателем (СК РФ, ст. 63), но не находит последовательного терминологического выражения.

5. Усиление гарантийного критерия. Представляется целесообразным дальнейшее совершенствование механизмов принудительного исполнения решений по семейным спорам, включая расширение практики применения психологического сопровождения (по аналогии с индийским опытом) и усиление публичного контроля за исполнением алиментных обязательств (в развитие российского реестра злостных неплательщиков алиментов, введенного Федеральным законом от 29 мая 2024 г. № 114-ФЗ).

Заключение

Таким образом, сравнительно-правовой анализ подтверждает, что разработанная концепция функционального ограничителя и реального осуществления семейных прав отражает не случайные особенности российского правопорядка, а объективные закономерности развития семейно-правового регулирования в современных условиях. Опыт стран БРИКС демонстрирует многообразие институциональных механизмов, обеспечивающих реализацию единых принципов, и предоставляет ценный материал для совершенствования российского законодательства и правоприменительной практики.

Библиография

1. Беспалов Ю.Ф. Семейные права ребенка и их защита : монография. — М. : Проспект, 2021. — 240 с.
2. Гражданский кодекс Китайской Народной Республики. Книга пятая. Семейное право : принят на третьей сессии Всекитайского собрания народных представителей XIII созыва 28 мая 2020 г. : введен в действие с 1 января 2021 г.
3. Итоговый документ II Форума БРИКС «Традиционные ценности». — Бразилиа, 2025. — 45 с.
4. Конвенция о правах ребенка : принята резолюцией 44/25 Генеральной Ассамблеи ООН от 20 ноября 1989 г. // Сборник международных договоров СССР. — 1993. — Вып. XLVI.
5. Нечаева А.М. Семейное право : учебник / А.М. Нечаева. — 7-е изд., перераб. и доп. — М. : Юрайт, 2025. — 412 с.
6. Семейный кодекс Российской Федерации : Федеральный закон от 29 декабря 1995 г. № 223-ФЗ // Собрание законодательства РФ. — 1996. — № 1. — Ст. 16.
7. Ульянова М.В. Принципы осуществления семейных прав и исполнения обязанностей : монография / М.В. Ульянова. — М. : Российский государственный университет правосудия, 2024. — 320 с.
8. Федеральный закон от 29 мая 2024 г. № 114-ФЗ «О внесении изменений в Федеральный закон «Об исполнительном производстве» // Собрание законодательства РФ. — 2024. — № 23. — Ст. 3215.
9. Children's Act 38 of 2005 (South Africa) // Government Gazette. — 2006. — Vol. 492. — No. 28944.
10. Children's Amendment Bill, 2025 (South Africa) // Government Gazette. — 2025. — Vol. 715. — No. 52123.
11. Lei nº 15.240, de 28 de outubro de 2025 – altera a Lei nº 8.069, de 13 de julho de 1990 (Estatuto da Criança e do Adolescente), para caracterizar o abandono afetivo como ilícito civil // Diário Oficial da União. — 2025. — 29 out. —

Seção 1.

12. Calcutta High Court. Mandatory Child Access and Custody Guidelines along with Parenting Plan 2025 : Order dated 26 September 2025.
13. Supreme Court of India. Gaurav Nagpal v. Sumedha Nagpal (2009) 1 SCC 42.
14. Supreme People's Court of China. Interpretation (II) of the Supreme People's Court on the Application of the Book on Marriage and Family of the Civil Code of the People's Republic of China : adopted by the Judicial Committee on 25 November 2024, effective 1 February 2025.

Comparative Legal Analysis of the Exercise of Family Rights in the BRICS Countries: Universal Trends and National Models

Svetlana A. Zagorskikh

Senior Lecturer,
Department of Civil Law,
Ural State Law University named after V.F. Yakovlev,
620137, 21, Komsomol'skaya str., Ekaterinburg, Russian Federation;
e-mail: pelageya82@mail.ru

Abstract

Based on a comparative legal analysis, the article examines the trends in the development of mechanisms for exercising family rights in the BRICS countries. The author substantiates the universal nature of the "functional limiter" — the priority of the child's interests as an immanent condition for the existence of a subjective family right. The Brazilian Law No. 15.240/2025 on emotional abandonment, the Indian Guidelines on Child Access and Custody of the Calcutta High Court (2025), the Chinese Interpretation of the Supreme People's Court of the PRC on the Application of Book Five of the Civil Code (Part Two) (2025), and the South African concept of "parental responsibilities and rights" are analyzed. Four common trends are identified: the conventionalization of family law, the transition from the model of "parents' rights" to the model of "child's interests," the institutionalization of joint parenting, and the strengthening of guarantees of real exercise. Recommendations for improving Russian legislation and law enforcement practice are formulated.

For citation

Zagorskikh S.A. (2026) Sravnitel'no-pravovoy analiz osushchestvleniya semeynykh prav v stranakh BRIKS: universal'nye tendentsii i natsional'nye modeli [Comparative Legal Analysis of the Exercise of Family Rights in the BRICS Countries: Universal Trends and National Models]. *Voprosy rossiiskogo i mezhdunarodnogo prava* [Matters of Russian and International Law], 16 (5A), pp. 381-390. DOI: 10.34670/AR.2026.75.94.045

Keywords

Exercise of family rights, BRICS countries, functional limiter, child's interests, real exercise, abuse of right, emotional abandonment, joint parenting.

References

1. Bepalov, Yu.F. Family Rights of the Child and Their Protection : monograph. — Moscow: Prospekt, 2021. — 240 p.
2. Civil Code of the People's Republic of China. Book Five. Family Law : adopted at the Third Session of the 13th National People's Congress on May 28, 2020 ; effective from January 1, 2021.
3. Final Document of the II BRICS Forum "Traditional Values". — Brasília, 2025. — 45 p.
4. Convention on the Rights of the Child : adopted by UN General Assembly Resolution 44/25 of November 20, 1989 // Collection of International Treaties of the USSR. — 1993. — Iss. XLVI.
5. Nechaeva, A.M. Family Law : textbook / A.M. Nechaeva. — 7th ed., rev. and exp. — Moscow: Yurayt, 2025. — 412 p.
6. Family Code of the Russian Federation : Federal Law No. 223-FZ of December 29, 1995 // Collected Legislation of the Russian Federation. — 1996. — No. 1. — Art. 16.
7. Ulyanova, M.V. Principles of Exercising Family Rights and Fulfilling Obligations : monograph / M.V. Ulyanova. — Moscow: Russian State University of Justice, 2024. — 320 p.
8. Federal Law No. 114-FZ of May 29, 2024 "On Amendments to the Federal Law 'On Enforcement Proceedings'" // Collected Legislation of the Russian Federation. — 2024. — No. 23. — Art. 3215.
9. Children's Act 38 of 2005 (South Africa) // Government Gazette. — 2006. — Vol. 492. — No. 28944.
10. Children's Amendment Bill, 2025 (South Africa) // Government Gazette. — 2025. — Vol. 715. — No. 52123.
11. Lei nº 15.240, de 28 de outubro de 2025 – amends Law No. 8.069 of July 13, 1990 (Child and Adolescent Statute), to characterize emotional abandonment as a civil wrong // Diário Oficial da União. — 2025. — 29 Oct. — Section 1.
12. Calcutta High Court. Mandatory Child Access and Custody Guidelines along with Parenting Plan 2025 : Order dated 26 September 2025.
13. Supreme Court of India. Gaurav Nagpal v. Sumedha Nagpal (2009) 1 SCC 42.
14. Supreme People's Court of China. Interpretation (II) of the Supreme People's Court on the Application of the Book on Marriage and Family of the Civil Code of the People's Republic of China : adopted by the Judicial Committee on 25 November 2024, effective 1 February 2025.